

БАНЯ

Те в шинелях, а эти в кожанках,
в белозубой, безусой поре...
На дворе было пыльно и жарко,
сорок первый стоял на дворе.

Бесфамильные Гришки да Ваньки,
мы стояли в сторонке вразлад,
— возле нашей детдомовской баньки
разместился солдатский отряд.

Из ближайших, видать, деревенек
проводила родимая мать.
Как крестил, как окуливал венник
их мужскую поджарую стать!

Посреди комиссарского детства
ты остался с распахнутым ртом:
надыхаться на них, наглядеться
за вчера, за сейчас, за потом!

Те в кожанки, а эти в шинели
затянулись, построились в ряд, —
до войны остаётся неделя,
на околышах звезды горят.

УБЕЖИЩЕ

Газеты мира снова бьют тревогу
о том, что мир внезапно может
рухнуть.
Очередной воитель в Вашингтоне
нажмёт на кнопку через пять минут.

...Он присоснился, поправил галстук
и вдруг, уткнувшись в зеркало,
застыл.

Глаза в глаза — пред ним седой
старик
с пергаментным лицом, поросшим
мохом,
далёкий и мучительно знакомый,
смотреть — невмочь, но глаз — не
отвести,
«Я — это ты. Я плоть твоя и совесть.
Твое лицо, твоя душа без грима.
Я старый и усталый человек...
Ты — заигрался, и твоя игра

тебя переиграла. Ты — слепец:
Протянешь руку и нажмёшь
на кнопку,
а сам нырнёшь туда, в земное чрево,
и в персональном электронном пространстве
укроешься, как древний фараон?!
Но человек не крот и не червяк,
в земле он задыхается от смрада...
Лишь солнце золотит глаза у женщин,
лишь звёздный купол нам дарит
бессмертье,
ромашки — цвет и запах поцелуям!
И если ты убьёшь земную жизнь,
сама земля тебе откажет в праве
убежища! Чтoб мёртвым не мешал...»

Газеты мира снова бьют тревогу
о том, что мир внезапно может
рухнуть.
Очередной Нерон из Вашингтона
нажмёт на кнопку через пять минут.

А вот напротив строят себе домики,
привычное крестьянское жилище,
колхозный плотник со своей женою
и четверо их маленьких внучат.

Детишки помогают им охотно,
беспечные и лёгкие, как птицы,
привыкшие на взрослых полагаться
в своих больших и маленьких делах.

Их ноги загорелые мелькают,
их руки напряжённо держат камни,
их ясные глаза полны восторгом
и счастьем изнурительной работы!

Они спешат, кто лучше, кто быстрее,
они кричат: — Смотри, смотри же,
деда!

А он стоит, сурово сдвинув брови,
и жёсткая ладонь его сжимает
отполированное горло топора.
Он слышит голос диктора... И раны,
которые привёз из Сталинграда,
всё ноют, ноют... Дети носят камни
и помогают взрослым строить домики —
убежище от снега и дождя...

КОРНИ И КРОНА

Увлечение прошлым —
без корней никуда,
потому, что из почвы
поступает вода.

И листве достаётся —
изо всех своих сил
тянет соки из солнца,
создаёт хлорофилл.

Значит, корни и крона
для земли и страны
перед высшим законом
неизменно равны...

ХЛЕБ ДА СОЛЬ

*«Кто с мечом к нам войдёт,
От меча и погибнет!»
Александр Невский*

*«Все флаги в гости будут
к нам!»
Александр Пушкин*

Гром гремел на голые деревья,
говорили — будет недород.
Древняя российская деревня,
как же ты жила из рода в род?!

Где вы, запредельные глаголы?..
Смертный пот отечественных войн:
«Бысть великий мор, чума да
голод...»

Грады, порастающие травой...»

Не года. Не годы. А години!
Но поди туристы докажи:
лебеудю к высям лебединим
возносились Спасы да Книжи.

Воспаренье шло за разореньем,
но в любую непогоду и боль
зрение граничило с прозреньем:
«Гость — изволь! Найдётся хлеб да
соль».

Небо и для нас осталось небом,
зимняя, суровая страна.
Недород — беда. Но будем
с хлебом —
на Руси иные времена!

Есть на свете истинны простые.
Не стереть их истории печать:
«Хлеб да соль!» — на том стоит
Россия.
Будем жить и гостя привечать.

ТЕАТР

Душа и разум знают цену
самим себе, но вот вопрос:
взойдя на жизненную сцену,
что принимать на ней всерьёз?

Где башмаки, а где котурны,
где языки, а где клинки?
А в добродетели дежурной
злодейства зреют ли ростки?

И если спрятался под маской,
то соответствовать изволь,
но знай, что жизнь не стала сказкой,
что роль — она и в жизни роль.

В порфире Лиры или Кира,
держа Вселенную в горсти,
ты не забудь, владыка мира,
в канаве место припасти.

